

В.П. Корзун*

**ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ВИТРИНУ:
220-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АН СССР
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ****doi:10.31518/2618-9100-2025-1-5
УДК 94+061.12:001

Выходные данные для цитирования:
Корзун В.П. Вглядываясь в витрину: 220-летний юбилей АН СССР глазами иностранных ученых // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 61–71.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-05.pdf>

V.P. Korzun*

**LOOKING INTO THE SHOW STINDOW:
THE 220-YEAR ANNIVERSARY OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES THROUGH THE EYES
OF FOREIGN SCIENTISTS****

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-5

How to cite:
Korzun V.P. Looking into the Show Stindow: The 220-Year Anniversary of the USSR Academy of Sciences through the Eyes of Foreign Scientists // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 61–71. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-05.pdf>]

Abstract. The author of this article focuses on the reflection of foreign participants in the anniversary celebrations on the occasion of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences, reflected in their diary entries and memories. We are talking about the Russian Diary of the Canadian economist and one of the founders of the Toronto School of Communications, Harold Innis draft diary entries of the world famous Anglo-German physicist Max Born, as well as a monographic study by Australian botanist Eric Ashby, written hot on the heels of the anniversary, including direct impressions of the anniversary. It is concluded that the showcase image of Soviet science, which is natural for a historical anniversary event, was adjusted in the perception of foreign scientists under the influence of individual ideological guidelines, disciplinary affiliation, communication practices in various scientific communities, and direct inclusion in Soviet everyday life. The image of the science, captured by the mentioned scientists, was characterized by the following features: 1) close dependence on the state both in institutional terms and in terms of social order, which affected the hierarchy of disciplines and scientific directions and the material status of scientists; 2) focus on the single methodology (“philosophical faith”) and strict ideological control; 3) the huge role of popularization practices in terms of memorization of science and its figures. At the same time the features that were not intended for the showcase were fixed: the repressive component of scientific policy, the social hierarchy in the scientific community and the classicalization of scientists regardless of scientific achievements. In general, the anniversary was highly appreciated, the holiday was considered to be an effective way to consolidate the world community and a significant platform for the popularization of science.

Keywords: anniversary of the USSR Academy of Sciences, Soviet science, Max Born, Harold Innis, Eric Ashby, field of communications, foreign scientists.

* **Валентина Павловна Корзун**, доктор исторических наук, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: korzunv@mail.ru

Valentina Pavlovna Korzun, Doctor of Historical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: korzunv@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-007-58. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23-28-007-58.

The article has been received by the editor on 06.11.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи рефлексия иностранных участников юбилейных торжеств по случаю 220-летия Академии наук СССР, отраженная в их дневниковых записях и воспоминаниях. Речь идет о «Русском дневнике» канадского экономиста и одного из основателей Торонтской школы коммуникалистики Гарольда Инниса, черновых дневниковых записях всемирно известного англо-немецкого физика Макса Борна, а также монографическом исследовании австралийского ботаника Эрика Эшби с включением непосредственных впечатлений о юбилее. Сделан вывод о том, что витринный образ советской науки, что естественно для историко-юбилейного действия, корректировался в восприятии иностранных ученых под воздействием индивидуальных мировоззренческих ориентиров, дисциплинарной принадлежности, практик коммуникаций в различных научных сообществах, степени включения в советскую повседневность. Образ науки, запечатленный указанными авторами, характеризовался следующими чертами: 1) тесной зависимостью от государства как в институциональном плане, так и в плане социального заказа, что сказывалось на выстраивании иерархичности дисциплин и научных направлений и на материальном статусе ученых; 2) ориентацией на единую методологию марксизма («философская вера») и жестким идеологическим контролем; 3) огромной ролью популяризаторских практик в плане меморизации науки и ее деятелей. Но в то же время фиксировались черты, не предназначенные для витрины: репрессивная составляющая научной политики, социальная иерархия в научном сообществе и классикализация ученых вне зависимости от научных достижений. Общим была высокая оценка юбилея, праздник рассматривался как действенный способ консолидировать мировое сообщество, как значимая площадка популяризации науки.

Ключевые слова: юбилей АН СССР, советская наука, Макс Борн, Гарольд Иннис, Эрик Эшби, поле коммуникаций, иностранные ученые.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024 г.

В июне 1945 г., спустя чуть больше месяца после окончания войны, страна праздновала 220-летний юбилей Академии наук СССР. Как известно, торжества проходили с 15 по 30 июня в Москве и Ленинграде. На юбилейных мероприятиях, пронизанных эйфорией Победы в Великой Отечественной войне, присутствовали 124 делегата из 17 стран и около 1 000 советских ученых. Безусловно, это был праздник государственного масштаба, отразивший к тому же академические ритуалы дореволюционной науки и новые советские практики, проявившиеся уже в 1925 г., когда отмечалось 200-летие АН СССР.

В последнее время на фоне мемориального бума, возросшего интереса к интеллектуальной истории и отмечаемого трехсотлетия Российской академии наук это событие стало интенсивно изучаться в отечественной историографии, обнаруживая новые ракурсы в проблемном поле юбилейных коммемораций¹.

¹ Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39; Соколов В.С. Празднование 220-летия Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 8. С. 794–798; Шерстенникова Е.С. Выставка к 220-летию Академии наук в МАЭ в 1945 году: организация, коллекции, посетители // Кунсткамера. 2021. № 3. С. 89–103; Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11; Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 2. С. 374–392; Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей АН СССР в победном 1945 году:

В силу специфики сохранившихся источников нам более известна официальная сторона юбилея и официально презентуемый образ советской/русской науки, ее вклад в Победу, приватная же сторона юбилейного события долгое время оставалась в тени. Приоткрыть кулисы официоза, выйти за рамки «сталинского монументализма» в освещении академического юбилея позволяет обращение как к неизвестным документам, так и к ранее опубликованным, но по разным причинам обойденным исследовательским вниманием.

Почти все иностранные гости после возвращения из Советского Союза в самых различных форматах (интервью, отчеты, статьи в специальных журналах, выступления на радио) делились впечатлениями об СССР и советской науке. Но интервью и отчеты – это все же либо публичная история, либо сугубо административно-официальная, другое дело эго-источники – дневники, личная переписка с кругом духовно или родственно близких персон. В данной статье я обращаюсь к дневниковым записям двух известных ученых – канадского экономиста, одного из основателей Торонтской школы коммуникалистики Гарольда Инниса (1894–1952), и всемирно известного англо-немецкого физика Макса Борна (1882–1970), а также к монографическому исследованию австралийского ботаника Эрика Эшби (1904–1992), написанному по горячим следам с включением непосредственных впечатлений о юбилее². Исследование Э. Эшби осталось незамеченным в нашей историографии. «Русский дневник» Г. Инниса появился в печати в Торонто лишь в 1981 г., спустя почти 30 лет после смерти автора³, и совсем недавно стал объектом изучения в западной и отечественной науке. Черновые дневниковые записи М. Борна о визите в Москву были обнаружены историком М.В. Ковалевым среди коллекции отдельных документов в Отделе рукописей Библиотеки Нильса Бора при Американском институте физики в городе Колледж-Парк, штат Мэриленд. Этот источник переведен им и опубликован на страницах «Исторического архива» в 2021 г.⁴ Первый опыт сравнения дневников Г. Инниса и М. Борна был предпринят в совместном докладе М.В. Ковалёва и В.П. Корзун в 2022 г.⁵ Сравнение текстов дневниковых записей и воспоминаний, включенных в исследовательское полотно в случае Э. Эшби, интересно также в том смысле, что, судя по всему, герои данной статьи оказались в одно и то же время по одному поводу в одном месте, но не вместе. Если Г. Иннис и Э. Эшби познакомились на юбилее и следы их неплотного общения прочитываются в текстах, то с М. Борном они, скорее всего, приватно не встречались и остались незнакомцами. И потому эти «независимые тексты» дают возможность проявить различные грани запечатленного торжества, собрать из мозаики коротких записей сложную картину восприятия уровня развития науки в СССР и в мире, включая размышления о взаимоотношении ученых и власти в различных национальных культурах. Мы имеем дело не просто с путевыми заметками, в которых отражается физико-географический и культурный портрет страны, но с горизонтами постижения «социально-отличного» авторами-

замысел и сценарий праздника, международный резонанс // Вестник Российского Фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 22–36; *Ковалев Д.М., Корзун В.П.* «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 207–219; *Ковалёв М.В., Груздинская В.С.* «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107; *Груздинская В.С., Корзун В.П.* «Наука не имеет отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 85–94; *Лиманова С.А.* «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки». Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2023. № 4. С. 16–38.

² *Ashby E.* *Scientist in Russia.* New York, 1947.

³ *Innis H.A.* *Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings.* Toronto, 1981. P. 15–50.

⁴ *Ковалев М.В.* Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

⁵ *Ковалев М.В., Корзун В.П.* Дневниковые записи М. Борна и Г. Инниса о поездке в СССР на 220-летний юбилей АН СССР // Материалы международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М., 2022. С. 72–75.

интеллектуалами. И в этом смысле анализируемые источники можно рассматривать как способ/форму цивилизационного взаимодействия.

Прежде обозначу три ремарки, определяющие суть моего подхода к теме. Первая – оправдание «витринного» характера любого юбилея. Эпитет «витринный» в исторических исследованиях несет, как правило, отрицательную коннотацию. В нашем случае юбилей итожит определенный этап развития науки. Репрезентация достигнутых итогов предполагает их демонстрацию, формы этой репрезентации многообразны – как традиционно научные, так и скорректированные новой социальной реальностью и нормами «советской науки». Но «наука напоказ» естественно подлежит корректировке в процессе ее рефлексии, тем более стоит учитывать и подсветку витрины – банкетно-балетную часть юбилея, что безусловно придавало особые эмоции участникам торжеств и сказывалось на оценке события. Вторая ремарка касается учета различий в целеполагании акторов этого процесса, которыми были как отечественные ученые, так и власть, да, собственно, и приглашенные иностранные гости. Важно иметь в виду сознательный, строго контролируемый властью отбор приглашенных. Списки предполагаемых участников юбилейных мероприятий утверждались посредством тройного фильтра: обсуждение и утверждение их на заседании Президиума Юбилейного комитета по празднованию 220-летия АН СССР, согласование и утверждение в правительстве, окончательное утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б).

Непосредственно В.М. Молотову были представлены списки: список № 1 – иностранных научных учреждений, список № 2 – почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР, список № 3 – отдельных иностранных ученых, список № 4 – отдельных иностранных ученых и иностранных научных учреждений⁶. На последнем этапе организации приезда ученых подключалось Министерство иностранных дел. Проходя через указанные фильтры, списки приглашенных сокращались, в некоторых случаях дополнялись.

При составлении списка иностранных представителей Академия наук учитывала прежде всего следующие три главных момента: «1) Авторитет в научном мире того или иного зарубежного ученого или научного учреждения. 2) Их отношение к Советскому Союзу. 3) Поведение во время <...> войны и отношение к фашистскому режиму»⁷. Это обстоятельство во многом объясняет схожесть, при имеющихся различиях, оценок юбилея и советской науки в целом, что характерно и для моих героев.

Третья ремарка – необходимость учета уникальности переживаемой миром ситуации, связанной с окончанием Великой Отечественной войны, надеждами на справедливое переустройство мира, что лаконично выразил американский эксперт в области иранского искусства, антрополог, историк и философ, вице-президент Национального совета американо-советской дружбы Артур Поуп, мечтающий о «лучшем мире, которого мы еще не видели, но на который мы надеемся»⁸.

С учетом этих обстоятельств в рамках интеллектуальной истории и научной дипломатии попытаемся представить картину восприятия советской науки и отечественного научного сообщества названными мной учеными, картину, в которой очевидны и ее штрихи/образы, не предназначенные для витрины. К последним отнесем: 1) презентизм/утилитаризм советской науки; 2) репрессии ученых и их трагические следствия в науке; 3) социальную дифференциацию общества в целом и дифференциацию внутри научного сообщества; 4) зависимость от государства, хотя последнее оценивается ими по-разному и совсем не однозначно; 5) властный патронаж, отражающий культ вождей и закрепляющий транслируемую классикализацию ученых в пантеоне культурной памяти.

Зададимся вопросом: какие же обстоятельства способствовали видению советского научного закулисья и его различной оценке? Они были связаны с различными политическими и мировоззренческими ориентациями ученых (хотя, как было отмечено выше,

⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 519. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–18.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ РАН. Ф. 515. Оп. 1. Д. 584. Л. 39.

их отличали симпатии к левым движениям, доброжелательность по отношению к СССР), с их дисциплинарной специализацией, с индивидуальными мотивациями оказаться в Москве на международном научном форуме, различными прежними практиками коммуникаций между советскими и зарубежными учеными, да и друг с другом, наконец, с любопытством – своего рода геном любого ученого.

Так, у Макса Борна были давние связи с российскими физиками (С.А. Богуславским, Ю.Б. Румером, В.А. Фоком, П.Л. Капицей и многими другими). Борн посещал СССР в 1928 г., выступал с программным докладом в Саратове, который произвел большой фурор. Он хранил теплые воспоминания о той поездке⁹. Ко всему прочему, с 1934 г. он иностранный член Академии наук СССР. «Борн едет в Советский Союз и в знак уважения к Академии, и чтобы повидать своих старых друзей»¹⁰. Во время поездки он пользовался рядом привилегий (ему выделен специальный автомобиль) и особым вниманием со стороны П.Л. Капицы, посещал его квартиру и общался с его семьей, приватно контактировал с другими физиками, интересовался судьбами «отсутствующих» ученых, т.е. имел возможность общаться с коллегами с глазу на глаз. «Доверительные диалоги без чужих глаз и ушей происходили и во время дружеских пирушек»¹¹. В то же время он имел возможность сравнить уровень жизни советского ученого и простого обывателя, с которым сталкивался в магазине, на улицах и площадях обеих столиц, во время остановки поезда по пути следования из Москвы в Ленинград.

Гарольд Иннис не имел таких личных связей, хотя для него характерен давний интерес к истории России, к ее литературе, но путешествие для ученого скорее поле для научного анализа, чем нечто личное. В мае 1945 г. он получил приглашение на 220-летний юбилей АН от временного поверенного в делах СССР в Оттаве Николая Дмитриевича Белохвостикова. Скромно связывал свое приглашение с деятельностью возглавляемой им кафедры и известностью своего предшественника профессора Джеймса Мэйвора, имевшего «глубокий интерес к России»¹². Как полагает канадский исследователь У. Бакстон, «по негласному соглашению Иннис мог использовать эту поездку в качестве миссии по установлению фактов для предоставления канадским официальным лицам информации о Советском Союзе, в частности о том, что Россия делает в своих арктических регионах»¹³. Особый интерес к Русской Арктике был связан с освоением Канадой северных территорий. А учитывая, что Арктический институт Северной Америки (АЙСА) был основан в сентябре 1944 г. по образцу Арктического института СССР, то вполне возможно предположить, что визит Г. Инниса, связанного с этим проектом, имел целью собрать информацию для АЙСА [AINA]. По окончании путешествия он предоставит дневник в Департамент иностранных дел Канады.

Во время пребывания в СССР ученый тесно контактирует с канадским дипломатом Арнольдом Смитом (будущим идеологом «холодной войны»), с сотрудниками английского посольства, с американскими журналистами. В данном окружении обсуждаются проблемы тоталитаризма и свободы. Очевидно, эти встречи были источником его информирования о репрессиях среди советских ученых, что нашло отражение в дневниковой записи при посещении Арктического института в Ленинграде. К теме репрессий он возвращается и на обратном пути, приводя свои мысли в порядок, подводя итог своим впечатлениям. В телеграфный поток записей о географическом ландшафте и занятости населения врывается фраза

⁹ Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна... С. 54.

¹⁰ Ковалев М.В., Корзун В.П. Дневниковые записи М. Борна и Г. Инниса... С. 72.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Джеймс Мейвор (8 декабря 1854 – 31 октября 1925 г.) – шотландский канадский экономист. Профессор политической экономии в Университете Торонто с 1892 по 1923 г. С его именем связывают традицию изучения истории России в Торонто. Автор «Экономической истории России» (Лондон, 1914; в 2 т.), «Russell & Russell», 1914, переиздана в 1925, 1965. Сыграл ключевую роль в переселении религиозных диссидентов духобор из Российской империи в Канаду. Состоял в переписке с П.А. Кропоткиным.

¹³ Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath // Harold Innis and the North Appraisals and Contestations. London, 2013. P. 341.

о чистках ученых в 1937–1938 гг., в частности о погибших астрономах, о том, что стремление и энтузиазм новых кадров «не возмещают образования», не смогут компенсировать потери¹⁴. Важно учесть и следующее. В результате весьма протяженного пути из Эдмонта (Канада) в Фэрбенкс (Аляска), затем через Берингов пролив в Марково с последующими посадками в Якутске, Киренске, Омске, Свердловске, Казани и, наконец, в Москве, у него сложился визуальный образ страны. Обратный путь пролегал по тому же маршруту с дополнительной посадкой в Новосибирске. Как видим, значительную часть своего пути Иннис летел по знаменитой авиатрассе АлСИБ (Аляска – Сибирь), открытой в 1942 г. для перегонки военных самолетов из США в СССР, с многочисленными посадками на сибирских аэродромах, и имел возможность воспринимать не только советскую повседневность, но и сравнивать освоение Арктики со стороны СССР и Канады, фиксировать развитие науки на периферии и в столицах. Последнее входило в программу празднования 220-летнего юбилея. Единственная запись о науке за пределами обеих столиц посвящена Омску. Ученый посещает омский сельхозинститут, отмечает успехи в селекции пшеницы и морозоустойчивых плодовых деревьев – стелющихся яблонь. Речь идет о знаменитом саде профессора А.Д. Кизюрина¹⁵. И далее следует вполне лояльная прагматика: «Канаде, вероятно, есть чему научиться у Сибири; в этом обширном регионе, имеющем примерно те же природные условия, выводятся особые сорта растений, и эти эксперименты могут принести Канаде большую пользу»¹⁶. В результате своих наблюдений в виде коротких записей Г. Иннис конструирует собственный взгляд на развитие науки в СССР и рефлексировать о роли науки в понимании ценностей различных цивилизаций. Наука, с его точки зрения, – это общепри-миряющее¹⁷.

В силу научных интересов Г. Инниса и особенностей характера (о его замкнутости и сдержанности упоминает сдружившийся с ним во время путешествия канадский коллега Г. Селье) круг его общения с советскими участниками торжеств, в отличие от М. Борна, сведен до минимума. Г. Иннис, являя собой фигуру «включенного наблюдателя», а не активного игрока, он присутствует, но не выступает с докладами и не участвует в прениях на специальном заседании Отделения истории философии АН СССР, посвященном проблемам Английской революции, хотя оставляет в дневнике обширную запись об этом заседании¹⁸. А вот М. Борн – равноправный действенный участник как юбилейного торжества, так и текущего научного действия, в значительной степени дирижер этого процесса в своей отрасли знания. Наконец, очевидно и другое – в отличие от М. Борна, у Г. Инниса не было здесь своего оппонентского круга – философия, представленная акад. В.П. Волгиным в докладе «Значение метода диалектического материализма для анализа исторической действительности советскими учеными», была ему чужда, а занимавшие его проблемы коммуникаций в цивилизационном срезе не представляли интереса для советских обществоведов, да и в его родной Канаде они получают признание много позже. В этом смысле Г. Иннис одинок, у него по определению не могло быть резонанса слушателей, и как результат – «своя игра», он наблюдатель чужого пира и его фотограф.

И совсем иным было поле коммуникаций, да и целеполагание, у австралийского ботаника Эрика Эшби, который с 1944 по конец 1945 г. жил в Москве и являлся советником по науке при австралийском посольстве. По роду службы, как он сам пишет, ему удалось посетить более пятидесяти лабораторий и познакомиться со многими учеными, с некоторыми у него сложились неформальные отношения. С теплотой он вспоминает биолога академика

¹⁴ Innis H.A. Innis on Russia... P. 44.

¹⁵ Кизюрин Александр Дмитриевич (1879–1971) – садовод, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Омского сельхозинститута, председатель Омского отдела Географического общества СССР. Основные направления исследований – создание стелющихся форм плодовых деревьев. В 1931–1934 гг. А.Д. Кизюрин в Омске закладывает сад по выращиванию плодовых деревьев в стелющейся форме на площади 10 га. Позже сад получил наименование Кизюринский.

¹⁶ Innis H.A. Innis on Russia... P. 21.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* «Русские поклоняются знаниям» ... С. 207–219.

¹⁸ Innis H.A. Innis on Russia... P. 33.

Б.А. Келлера, бывал у него дома и, так уж случилось, присутствовал на его похоронах почти сразу после академических торжеств¹⁹.

О его харизме, умении налаживать и поддерживать контакты в различных сферах – науке, политике, образовании – упоминают многие авторы, и даже Г. Иннис отмечает в дневнике его способность «достучаться до русских, опираясь на их интерес к науке»²⁰. Эшби в своей работе «Scientist in Russia» многие черты советской науки объясняет не только особой ролью власти в ее институциональной организации и финансировании, но определенной культурной традицией, «русским менталитетом». По Эшби, то, что верно для русского народа с его ментальностью, верно и для науки: «Русский менталитет влияет на советскую науку точно так же, как на советскую поэзию и политику»²¹. Поэтому для понимания тенденций развития науки и восприятия образа ученого важно быть знакомым с русским романом, читать И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. Эта культурная предопределенность задает как слабости, так и сильные стороны советской науки. В праздновании 220-летнего юбилея указанная связь с особой силой выразилась в популяризации успехов советской науки, помпезности ее презентации на юбилейных сессиях, что диссонировало с послевоенной повседневностью, акцентировании решающей роли государства.

Закулисье торжеств лишь подчеркивало сложность и противоречивость процесса развития науки в советском государстве, но, особо отмечу, авторами не отрицался сам факт вклада российских ученых в мировую науку, подчеркивалась их героическая роль в Великой Отечественной войне. Выделялись как точки соприкосновения и возможное сотрудничество, так и точки неприятия, отчуждения в строе советской науки. Причем эта ситуация по-разному представлялась в различных дисциплинарных срезах, да и различно оценивалась учеными. Так, М. Борн и Э. Эшби рассматривают развитие науки в СССР в тесной связи с системой образования. Борн был «впечатлен <...> колоссальными исследованиями и преподаванием»²². По Э. Эшби, «наука в Советском Союзе амбициозно спланирована, обеспечена энергичной и здоровой поддержкой», и даже если достижения СССР «за последние двадцать пять лет не вызывают удивления, его перспективы на будущее вряд ли можно переоценить»²³. Он пишет об успехах в области геологоразведки, изучения растительности, почв и минералов, картографирования и т.д.²⁴ Г. Иннис гораздо более скептичен в оценке уровня развития советской науки: в «трех четвертях всех наук русские отстают от американцев: возможно, они наравне с последними в математике, но хуже в физике, химии и медицине. Хороши в ботанике»²⁵. Чуть позже в реестр «успешных наук» им будет внесено почвоведение и прикладная экономика. В то же время автор «Русского дневника» подчеркивает значимость базового фактора для сотрудничества с советскими учеными – «Русские поклоняются знаниям»²⁶.

Г. Иннис и Э. Эшби характерными чертами советской науки называли ориентацию на единую методологию марксизма («философская вера») и жесткий идеологический контроль, интерес к прикладному знанию и недооценку теории, огромную роль популяризаторских практик и меморизацию науки и ее деятелей, что связывалось авторами с утилитарной концепцией прикладного знания, тотальную зависимость от государства как в институциональном плане, так и в плане социального заказа и, соответственно, в выстраивании иерархичности дисциплин и направлений, а также в плане регулирования материального статуса ученых. Последнее (зависимость от государства) признавалось и М. Борном, но им отрицалось какое-либо значительное влияние марксизма на достижения в области физики, отме-

¹⁹ Ashby E. Scientist in Russia... P. 173–175.

²⁰ Innis H.A. Innis on Russia... P. 22.

²¹ Ashby E. Scientist in Russia... P. 146.

²² Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна... С. 69.

²³ Ashby E. Scientist in Russia... P. 206.

²⁴ Там же. P. 205.

²⁵ Innis H.A. Innis on Russia... P. 44.

²⁶ Там же. P. 30.

чался высокий уровень теоретических разработок советскими учеными И.Е. Таммом, Л.Д. Ландау, В.А. Фоком, И.М. Лифшицем, П.Л. Капицей и др. Э. Эшби, в отличие от Г. Инниса и М. Борна, большое внимание уделил русскому феномену популяризации науки, обозначил не только ее значимость в формировании ценностного отношения в обществе к науке и ученому, но и обратную сторону – классикализацию ученых не по научным заслугам, а по общественной известности. Таким образом, «тотальная популяризация» может рассматриваться и как удобный механизм манипуляции научным сообществом, поощрения «недобросовестных, амбициозных ученых» (в качестве примера Эшби ссылается на феномен Т.Д. Лысенко)²⁷. Эти наблюдения шли в параллель со становлением социологии науки с возрастающим вниманием в ее проблемном поле к нормам и антинормам в научных сообществах.

Имелись отличия и в оценке роли государства в строительстве новой науки. Вскоре после своего возвращения из России Г. Иннис отметит в интервью, проведенном совместно с Г. Селье, что «развитие науки в рамках социальной структуры страны идет в России гораздо дальше, чем в остальном мире, а положение ученых в СССР выше, чем где бы то ни было»²⁸. В отличие от некоторых стран, в которых члены Королевской Академии наук «рассматривались как мусорщики», академики в России имеют «высокий <...> социальный статус. Они получают отличную зарплату, бесплатный проезд повсюду и другие особые привилегии с теми же рейтингами, что и комиссары или министры канадского кабинета»²⁹.

М. Борн же удручен увиденной им картиной социального неравенства. По замечанию М.В. Ковалева, «советскую академическую элиту он посчитал оторванной от народа и его повседневных проблем и забот»³⁰. И добавляет, ссылаясь на письмо физика к сыну: «Картины достатка советских физиков с их казавшимися почти безграничными материальными возможностями не обольстили сознания М. Борна, а социальные контрасты глубоко разочаровали его»³¹.

Общим в позиции авторов анализируемых текстов была высокая оценка юбилея – он рассматривался как действенный способ консолидировать мировое сообщество, выделяя науку «как точку, по которой может быть достигнуто общее согласие». Подобное настроение характерно для многих участников юбилейных торжеств, считавших, что «Великое празднество советской науки... стало праздником мировой науки»³². И М. Борн, и Г. Иннис, и Э. Эшби верят в прогресс науки и международное сотрудничество. Но, всматриваясь в праздничное полотно репрезентации советской науки, они видели на этом экране отражение общих проблем организации мировой науки и трансформации ее этоса. В диалоге цивилизаций учеными исключительная роль отводится науке и особой миссии ученых в поиске объективной научной истины, преодолению заблуждений относительно друг друга, умению уважать национальные традиции, мнения других («согласились не соглашаться»).

Более отчетливо подобный взгляд отразил Г. Иннис. Празднование юбилея Академии наук СССР оценивается им как реальное доказательство возможности объединения сил ученых при широкой государственной поддержке для решения социальных и научных проблем. Но как ученый, осмысливающий специфику коммуникаций в цивилизационном срезе, он обращает внимание на возможные угрозы на этом пути для науки, которые могут воспрепятствовать осуществлению ее миссии. В качестве таковых называется догматизм, национализм, зависимость от конъюнктуры рынка, «когда ученые становятся журналистами и рекламодателями», «корыстные интересы кафедр и университетов», стремление военных использовать науку в своих интересах³³. Автором провидчески угадывается смена образа

²⁷ Ashby E. Scientist in Russia... P. 187.

²⁸ Buxton W. Northern Enlightenment... P. 253.

²⁹ Цит по: Buxton W. Northern Enlightenment... P. 253.

³⁰ Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна... С. 56.

³¹ Там же.

³² Лиманова С.А. «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки»... С. 27.

³³ Innis H.A. Innis on Russia... P. 41–42.

науки как такового, его фрагментация – упадок философии науки и квантификация исследовательских практик.

Как видим, и витрина (сцена), и закулисы юбилейного празднования советской науки в единстве транслировали ее сложный противоречивый образ. Но при всей специфике восприятия этого образа авторами анализируемых дневниковых, путевых зарисовок, в силу конвергентности научного знания, его коммуникативности, наука рассматривалась как самостоятельный актер, несущий некий компромисс, веру в преодоление дисгармонии мира, только что пережившего разрушительную войну.

Литература

Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.

Груздинская В.С., Корзун В.П. «Наука не имеет отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 85–94.

Ковалев М.В. Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

Ковалёв М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: британская делегация на 220-летнем юбилее Академии наук. 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.

Ковалёв М.В., Корзун В.П. Дневниковые записи М. Борна и Г. Инниса о поездке в СССР на 220-летний юбилей АН СССР // Материалы международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М., 2022. С. 72–75.

Колеватов Д.М., Корзун В.П. «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 207–219.

Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 2. С. 374–392.

Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей АН СССР в победном 1945 году: замысел и сценарий праздника, международный резонанс // Вестник Российского Фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 2 (104), 2021. С. 22–36.

Куперштох Н.А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11.

Лиманова С.А. «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки». Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2023. № 4. С. 16–38.

Соболев В.С. Празднование 220-летия Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 8. С. 794–798.

Шерстенникова Е.С. Выставка к 220-летию Академии наук в МАЭ в 1945 году: организация, коллекции, посетители // Кунсткамера. 2021. № 3. С. 89–103.

Ashby E. Scientist in Russia. New York: Midd'x, Penguin books, 1947. 252 p.

Buxton W. Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath // Harold Innis and the North Appraisals and Contestations. London, 2013. P. 246–272.

Innis H.A. Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings. Toronto: University of Toronto, 1981. 90 p.

References

- Ashby, E. (1947). *Scientist in Russia*. New York, Midd'x, Penguin books. 252 p.
- Buxton, W. (2013). *Northern Enlightenment: Innis's 1945 Trip to Russia and Its Aftermath*. In *Harold Innis and the North Appraisals and Contestations*. London, McGill-Queen's University Press Montreal, pp. 246–272.
- Gruzdinskaya, V.S. (2020). Yubiley Akademii nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [The Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the Mirror of Foreign Welcome Addresses]. In *Rossiia XXI*. No. 2, pp. 26–39.
- Gruzdinskaya, V.S., Korzun, V.P. (2021). “Nauka ne imeet otechestva: etot lozung i veren i net” (otkliki inostrannykh uchenykh na 220-letniy yubiley Akademii nauk SSSR) [“Science has No Fatherland: This Slogan is Both True and Not” (Responses of Foreign Scientists to the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 472, pp. 85–94.
- Innis, H.A. (1981). *Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings*. Toronto, University of Toronto, pp. 15–50.
- Kolevatov, D.M., Korzun, V.P. (2020). “Russkie poklonyayutsya znaniyam” (220-letniy yubiley AN SSSR v vospriyatii kanadskogo uchenogo) [“Russians Worship Knowledge” (220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences as Perceived by a Canadian Scientist)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 162, No. 3. pp. 207–219.
- Korzun, V.P., Gruzdinskaya, V.S. (2020). 220-y yubiley AN SSSR v 1945-m: stsenariy prazdnovaniya v sotsiokul'turnom kontekste epokhi [The 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945: The Scenario of Celebration in the Socio-Cultural Context of the Epoch]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriiya Rossii*. No. 2, pp. 374–392.
- Korzun, V.P., Kovalev, M.V., Gruzdinskaya, V.S. (2021). Yubiley AN SSSR v pobedom 1945 godu: zamysel i stsenariy prazdnika, mezhdunarodnyy rezonans [Jubilee of the USSR Academy of Sciences in the Victorious Year of 1945: Plan and Scenario of the Celebration, International Resonance]. In *Vestnik Rossiyskogo Fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. No. 2 (104), pp. 22–36.
- Kovalev, M.V. (2021). Dnevnik laureata Nobelevskoy premii fizika Maksa Borna “Puteshestvie v Rossiyu” o poezdke v Moskvu i Leningrad na 220-letniy yubiley [Diary of Nobel Prize-Winning Physicist Max Born “Journey to Russia” about a Trip to Moscow and Leningrad for His 220th Anniversary]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 5, pp. 53–81.
- Kovalev, M.V., Gruzdinskaya, V.S. (2020). “Vse byli ochen' vpechatleny druzhelyubiem, gostepriimstvom i entuziazmom sovetskikh uchenykh”: britanskaya delegatsiya na 220-letnem yubilee Akademii nauk. 1945 god [“Everyone Was Very Impressed by the Friendliness, Hospitality and Enthusiasm of the Soviet Scientists”: British Delegation at the 220th Anniversary of the Academy of Sciences. 1945]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 4, pp. 87–107.
- Kovalev, M.V., Korzun, V.P. (2022). Dnevnikovye zapisi M. Borna i G. Innisa o poezdke v SSSR na 220-letniy yubiley AN SSSR [Diary Entries of M. Born and G. Innis on Their Trip to the USSR for the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences]. In *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 90-letiyu Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki imeni S.I. Vavilova*. Moscow, pp. 72–75.
- Kupershtoh, N.A. (2020). Obraz nauki v poslevoennom mire: yubileynoe zasedanie Prezidiuma Akademii nauk SSSR v iyune 1945 g. [The Image of Science in the Postwar World: Jubilee Meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in June 1945]. In *Vseobshchaya istoriya*. No. 2, pp. 3–11.
- Limanova, S.A. (2023). “Velikoe prazdnestvo sovetskoy nauki, kotoroe stalo prazdnikom mirovoy nauki”. Otkliki uchenykh iz Bolgarii, Pol'shi, Shvetsii na prazdnovanie 220-letiya AN SSSR. 1945 g. [“A Great Celebration of Soviet Science, Which Became a Celebration of World Science”. Responses of Scientists from Bulgaria, Poland, Sweden to the Celebration of the

220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences. 1945]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 4, pp. 16–38.

Sherstennikova, E.S. (2021). Vystavka k 220-letiyu Akademii nauk v MAE v 1945 godu: organizatsiya, kollektzii, posetiteli [Exhibition for the 220th Anniversary of the Academy of Sciences at the MAE in 1945: Organization, Collections, Visitors]. In *Kunstkamera*. No. 3, pp. 89–103.

Sobolev, V.S. (2020). Prazdnovanie 220-letiya Rossiyskoy akademii nauk [Celebration of the 220th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. In *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. Vol. 90, No. 8, pp. 794–798.